

УДК 341.251.1.-232.37

Способы организации антирелигиозной пропаганды партийными и государственными структурами в СССР (1917–1930-е гг.)

И.И. ЯНУШЕВИЧ

Проводится анализ содержания информационно-пропагандистской работы партийных и государственных структур в деле распространения атеизма. Установлено, что реализовываемая в стране Советов антирелигиозная политика включала в себя и задачи по формированию отрицательного имиджа священнослужителей, религиозных организаций и верующего человека. Религия и церковь большевистскими агитаторами представлялась как явление совершенно ненужное. В противовес различными способами усиленно популяризировалось материалистическое мировоззрение.

Ключевые слова: антирелигиозная работа, Православная церковь, материалистическое мировоззрение.

The content of the advocacy work of the party and state in the spread of atheism is analyzed. It's stated that country's anti-religious policy implemented by the Soviet Union also included the task of forming negative image of the clergy, religious organizations and a believer. Religion and the Church were presented by Bolshevik agitators as completely unnecessary phenomenon. In contrast, the materialistic worldview was intensively popularized in various ways.

Keywords: anti-religious work, Orthodox Church, materialistic outlook.

На пути к завоеванию власти большевики прошли серьезнейшую подготовку по организации информационных войн. Практическая подготовка в условиях оппозиционной деятельности в полной мере пригодилась им и после получения власти в 1917 г. Делегировав себе право безапелляционно говорить именем революции от имени народа, новое политическое руководство предприняло целый комплекс мер по сохранению режима диктатуры пролетариата. В сложных условиях гражданской войны и интервенции большевики предприняли ряд мер по уменьшению численности оппонентов, что в свою очередь привело к росту социальной напряженности. Угроза потери власти в случае дальнейшей эскалации ситуации вынудила предпринять меры к приостановке жесткой репрессивной политики и усилению информационно-разъяснительной работы с населением. Одним из направлений ее должна была стать антирелигиозная работа. Необходимо было убедить общество в контрпродуктивности наличия религии и церкви в современном обществе. Информационные вирусы являлись эффективным, испробованным способом большевистской пропаганды. Предстояло применить их и в борьбе с религиозностью населения.

Исключительно важной задачей ответственных антирелигиозников было создание видимости массовости безбожия в стране, да и в мире в целом. Реализуемая на государственном уровне антирелигиозная политика требовала и демонстрации результатов своего труда. Это должно было побудить верующего человека идти в ногу «с передовой частью» советского общества в рядах которой только и можно было жить и существовать. Людей невоцерковленных, несмотря на религиозный подъем к началу 1920-х гг. и рост религиозных общин к 1929 г., становилось все больше. Административные меры давали свои плоды, но вот настоящих безбожников, активных популяризаторов атеистического мировоззрения было крайне недостаточно. Это шло в разрез с политикой партии в данном направлении, но в реальности подтверждалось тем, что даже коммунисты и комсомольцы не являлись в этом примером не только в 1920-е гг., но и в начале 1940-х гг. Единственное в своем роде аналитическое совещание антирелигиозников СССР в 1926 г., не выработав каких то конкретных рекомендаций по организации работы, признало наиболее удачной формой демонстрации численного потенциала безбожия создание на всесоюзном уровне организационных структур объединяющих людей с атеистическим мировоззрением [1]. Общество друзей газеты «Безбожник», Союз безбожников (СБ), а с 1929 г. Союз воинствующих безбожников (СВБ) должны были

стать ориентиром, деятельность и численность которого склоняла бы граждан к демонстрации своего материалистического взгляда на мир. Простая оценка динамики численности СВБ во всесоюзном масштабе наводит на мысль о явной фальсификации цифр. Если в 1928 г. численность составляла не более 130 тыс. членов, то в марте 1929 г. уже 500 тыс., а в июне миллион [2, с. 36]. Удвоение за четыре месяца было также нереалистично, как и два миллиона в 1930 г. и пять миллионов в 1931 г. [3, л. 12]. Кстати, в документах ЦС СВБ имеется нигде не озвученная цифра восемь миллионов [3, л. 12]. В БССР ситуация с демонстрацией численности воинствующих безбожников складывалась по схожей схеме. 01.01.1931 г. – 217 тыс., 01.01.1932 г. – 300 тыс. [4, л. 13], хотя через 2 года взносы уплатили только 129 тыс. членов организации [5, л. 21]. Подобная игра цифр при демонстрации достижений советского государства была характерна для всей системы. Однако, если стахановское движение вдохновляло на ратный труд и при всех своих изъянах, невыполненная первая пятилетка внушала все же оптимизм в строителей социализма, то безбожные успехи, не провозглашенные вождем как значимая цель, фактически оказались нужны только предводителям Центрального совета СВБ для оправдания своего существования. Нагнетаемые в 1929–1932 гг. агитационно-пропагандистскими силами достижения фактически мгновенно сошли на нет в 1934 г. Реально показать было нечего. Даже машинно-транспортные станции как самый знаковый и выигрышный для создания очага безбожия участок, например в БССР, создать не удалось [6, л. 37]. Иллюзорность массовости безбожного движения к середине 1930-х гг. становилась очевидной [7, л. 45], что не могло не оттолкнуть людей и не навредить борьбе с религиозностью населения. Наличие подобного массового перспективного движения как СВБ (не в нашем колхозе, районе, а где-то там – И. Янушевич) не могло не стимулировать желание присоединиться к данной группе советских граждан даже при отсутствии атеистических убеждений, однако потраченные силы, средства и краткосрочность результата не стоили подобного незначительного пропагандистского эффекта.

В отличие от СВБ, где все таки, необходимо было продемонстрировать определенную деятельность, пусть и формальное, но наличие организационной структуры, количество верующих граждан было цифрой менее поддающейся реальному подсчету. Низкая активность по вступлению в СВБ, результаты социологических исследований, оперативные сводки ОГПУ-НКВД [8, л. 2], [9, л. 40] вынуждали руководство партии идти на явные фальсификации. Очевидный дисбаланс в определении количества порвавших с религией, многократное увеличение рядов безбожников должно было внести оптимизм в их реальных членов и задуматься над перспективами своей дальнейшей жизни сомневающимся [10, л. 65]. Приумножение цифр на 20–30 % демонстрировало как успех антирелигиозной работы, так и правильность выбора миллионов граждан [8, л. 4], [11, л. 20]. Методики проведения подобных подсчетов не выдерживают никакой критики. Даже самая объективная картина, представленная в переписи населения 1937 г., имела такой громадный недостаток, как разглашение конфиденциальности, при этом более 57 % записались верующими [12, с. 98–103]. Абсурдность результатов социологических исследований была очевидна и советским исследователям. Например, в Москве 90 % рабочих крупных промышленных предприятий провозгласили неверующими на основании того, что из трех тысяч обработанных анкет в 88 % было указано отрицательное отношение к религии. То, что было роздано 11 000 анкет и 8000 не возвращено исследователи во внимание не приняли [13, с. 81]. В Гомеле среди студентов опрос был проведен таким образом, что только 3 % назвали себя верующими, а в Гомельском еврейском техникуме не нашлось из 95 учащихся ни одного верующего [14, лл. 27, 32, 38]. В районах сплошной коллективизации все крестьяне считались местными властями неверующими [10, л. 65], что, безусловно, и близко не соответствовало действительности. Голословно увеличивая численность безбожников, ставя планы по росту безбожных бригад, цехов, заводов [4, л. 14], ответственные антирелигиозники не только не усиливали данного направления работы, но и вредили тому же колхозному движению. Естественно на местах и руководство, и простые граждане знали ситуации с «порвавшими с религией». И если численность, проценты большевикам как то удавалось накручивать для публичной демонстрации, то качественный состав растущего числа безбожников был под большим вопросом. «Добровольность»,

«искренность» публичного отказа от веры в условиях существующего политического режима абсолютно не обозначала отказа от Бога. Это в свою очередь вынуждало руководство на местах определять религиозность населения по наличию богослужебных помещений и количеству совершаемых обрядов [15, л. 349].

Важное место в борьбе с церковными организациями должна была сыграть демонстрация экономической составляющей их функционирования. И, на самом деле, имевшийся исторический материал рисовал достаточно неприглядную для восприятия картину хозяйственной деятельности конфессий. Являясь составной частью социально-политической жизни государств, религиозные культы выполняли и административно-распорядительные функции, а средства к существованию кроме сборов, пожертвований за выполнение религиозных действий получали путем эксплуатации населения и в виде государственных дотаций. Религиозные организации как хозяйствующие субъекты не могли применять некие иные формы организации труда и отношение к собственности, кроме характерных для конкретного времени и региона. Финансовое состояние во многом определяло возможности выполнения своих непосредственных функций. Основные конфессии прошли разные этапы своего экономического благосостояния, однако антирелигиозникам важно было продемонстрировать роль религии, церкви и священнослужителей не только как эксплуатирующих население институтов, но и как освящающих, оправдывающих всякую эксплуатацию бедных богатыми. Имевшие место до революции 1917 г. излишества потеряли свою актуальность после декретов советской власти «О земле» и «Об отделении церкви от государства». Религиозные организации, их руководители из эксплуататоров превратились в обыкновенных гонимых большевиками граждан. Здесь же стоит отметить, что на те же обвинения в получении «несметных богатств» религиозными структурами и отдельными представителями конфессий прихожане, адепты и антирелигиозники смотрели под разным углом зрения. Жертвователю был благодарен возможности материального приношения и рассматривал это как естественное положение дел. И регламентированные взносы, и добровольные сверхнормативные как бы выступали гарантами нормального существования и религиозной структуры, и человека внесшего пожертвование. Большевики по незнанию или же преднамеренно не брали в расчет большую социальную деятельность религиозных организаций. Советской власти пришлось в дальнейшем взвалить на себя бремя по социальной защите населения, а до революции это была прерогатива церкви. Тот же Иоанн Кронштадтский для большевиков был «черносотенцем» с многомиллионным состоянием, а для православных последней надеждой, святым, родным батюшкой, аккумулирующим средства на благотворительность. Антирелигиозниками активно высмеивалась жадность, сребролюбие низшего духовенства. Персональное отношение к материальным ценностям конкретного священнослужителя транспонировалось на всех пастырей. Между тем и до революции очень многие православные священнослужители были значительно ограничены в своих материальных возможностях. Государство не могло обеспечить их содержание на достаточном уровне. Семьи были большие, земельные наделы незначительные, приходы бедные. Имелись в составе того же православного клира лица, не в полной мере соответствующие своему статусу из-за сребролюбия и чревоугодия. Синодально-консисторская система вынуждала многих становиться попами по семейно-бытовым причинам, а не по морально-нравственному расположению.

Советская власть поставила клириков в экономическом плане в катастрофическое положение [16, л. 210], а антирелигиозники должны были изощриться и доказать, что получение доходов, безусловно, наряду с контрреволюционной деятельностью, является главной задачей «религиозников всех мастей» [17, л. 5–8]. Служитель культа любого ранга практически полностью зависел от приношений прихожан, и это ставилось ему в вину как нетрудовому элементу, «представителю вольных профессий», да и просто дармоеду. Это с точки зрения антирелигиозной пропаганды. С точки зрения того, на кого она была направлена, приношения являлись спасительной жертвой, имевшей важное для него значение. И из-за ослабления религиозных чувств, и из-за сложного материального положения прихожане иногда вынуждены были отказываться от содержания пастыря и храма [18, л. 8], но в большинстве своем старались

сохранить важную для себя составляющую жизнедеятельности [19, л. 146–148]. Но все же, если священнослужитель не выдерживал экономического давления, прихожане утрачивали возможность материального участия в жизни прихода, и он ликвидировался, то фактически для общественности это была демонстрация не «алчности попа» и невостремленности религиозной деятельности, а результат агрессивной фискальной политики. Антирелигиозной пропагандой «вскрывались» все каналы получения средств к существованию священнослужителями и религиозными организациями. Верующим внушалось, что религиозные праздники, требы, десятины придумывались для регулярного выкачивания пожертвований. Мощи, чудотворные иконы, крестные ходы, миквы, всякого рода освящения приравнивались к шарлатанским, контрреволюционным акциям. Изготовление и продажа свечей, просфор, мацы, забой на кошер и иные неотъемлемые атрибуты культа трактовались как заработка денег на фетишах.

Между тем проходивший процесс отъема у религиозных организаций собственности и средств к существованию и его информационное сопровождение не могли получать ожидаемого пропагандистского эффекта. Тот, кто был согласен с подобной политикой, был или иноверцем, или безбожником. Получившие в собственность церковные земли и имущество крестьяне никак не могли одобрить мер по полному отодвиганию религиозных организаций на задворки общественно-политической жизни. Ограничение, а в дальнейшем и полная ликвидация возможности исполнения тех же религиозных обрядов в силу экономического и административного давления власти, называвшей себя народной, объяснить заботой о народе было бесперспективно. Это обстоятельство на практике не учитывалось. Еще существенней было по подобной пропагандистской хитрости то обстоятельство, что отнимаемые помещения, украшения, богослужебные предметы являлись зачастую даром жертвователей, в том числе коллективных, а зачастую и еще живых [20, л. 1–2]. Да, по советским законам все церковное имущество объявлялось народным достоянием, но человеком оно отдавалось в храм для конкретной цели и в понимании верующего не являлось результатом эксплуатации «темноты и нищеты масс». Получалось, что над жертвой исполнительная власть надругалась, а агитаторы и пропагандисты высмеяли их сакральные чувства как отсталость и бескультурие.

Отдельно необходимо рассмотреть компанию по изъятию церковных ценностей в 1922 г., якобы в связи с голодом в Поволжье, где голодная смерть грозила 5 млн. человек. По своей гнусности она могла соперничать с компанией по вскрытию мощей, а по кровавому следу значительно опередила ее. Главной задачей операции максимально полное ограбление храмов и уничтожение как можно большего количества духовенства, хоть каким-то образом проявившего несогласие с подобным актом святотатства и вандализма [21, с. 37]. С лета 1921 г. в стране начинается тотальное пропагандистское наступление с душераздирающими мольбами о помощи голодающим, что сплотило население для выполнения гуманитарной задачи. Граждане искренне поверили в необходимость привлечения ценностей, хранящихся в богослужебных помещениях для помощи голодающим, о необходимости организации помощи говорила и РПЦ. Церковь активно организовывала мероприятия по сбору средств. Успехи религиозных организаций, в том числе и при помощи единоверцев из-за рубежа, вызывали негодование во властных структурах. Было принято решение о силовом захвате церковных ценностей. Властями издается специальный декрет об изъятии церковных ценностей [22, л. 88]. Параллельно священнослужители и активные прихожане обвиняются в алчности, в нежелании оказать помощь гибнущим людям, что еще раз доказывало точку зрения большевиков на религиозные организации как на структуры с исключительно меркантильными интересами. Однако не подкрепленный конкретными действиями «акт милосердия» властей после многократного обнаружения использования церковных ценностей не по назначению, в том числе членами комиссии по изъятию [23, л. 15], уничтожение сакральных культовых предметов, фактическому прекращению помощи из-за рубежа из-за махинаций советского правительства, уже в 1922 г. стал очевидным фарсом. Неспособность организовать действенную помощь голодающим, массовое глумление над святынями, пасторами и прихожанами дали обратный эффект. Хотя в дальнейшем весь период своего существования советской власти обвинение религиозных

организаций в алчности и безнравственности станет любимым примером для доказательства вредности наличия подобных структур в советском обществе.

Таким образом, проведенное исследование показало, осуществляемая в советском государстве политика уничтожения религии и церкви, борьба с религиозностью населения не могли быть осуществлены без агрессивного информационно-пропагандистского сопровождения. Демонстрация успехов и разоблачение врага являлись неотъемлемой частью антирелигиозной работы. Сымитированные темпы роста безбожия соотносились с общепринятой оценкой ситуации с формированием советского общества и задачами по построению светлого будущего. Успехи в народнохозяйственной сфере, в науке, образовании, культуре заставляли антирелигиозников показывать подобную динамику и в деле распространения атеизма, поэтому без грубых подтасовок фактов обойтись было невозможно. Нацеливала же на активную борьбу с религией и церковью их «враждебная деятельность», одной из форм которой якобы являлась «экономическая эксплуатация» «темноты и некультурности» масс. Государством под благовидными предлогами шло выколачивание средств у всех слоев населения, особенно у «бывших», но в отношении религиозных организаций решался и вопрос ограничения их возможностей по духовному служению народу или с точки зрения властей – одурманиванию населения. И «каноны», и «догматы», и фактически «боги» могли существовать только новые, а значит и кормить «дармоедов» было нерационально. Тратить средства на ненужный проект население, по мнению антирелигиозников, не имело права, хотя у верующих людей точка зрения была иная.

Литература

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 1. – Д. 791.
2. Антирелигиозник. – 1929. – № 6.
3. РГСПИ. – Ф. 89. – Оп.4. – Д. 26.
4. РГСПИ. – Ф. 89. – Оп.4. – Д. 140.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 104.
6. ГА РФ. – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 102.
7. ГА РФ. – Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
8. РГАСПИ. – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 125.
9. ГА РФ. – Ф. А353. – Оп. 8. – Д. 8.
10. ГА РФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 32.
11. РГАСПИ. – Ф. 89. – Оп. 4. – Д. 39.
12. Жиромская, В.Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев, Ю.А. Поляков. – М. : Наука, 1996. – 152 с.
13. Атеизм в СССР: становление и развитие / А.Ф. Окулов (ответ. ред.) [и др.]. – Москва : Мысль, 1986. – 238 с.
14. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 677.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11852.
16. ГАРФ. – Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 63.
17. Лукачевский, А. Безбожники стройте колхозы / А. Лукачевский. – М. : Акционерное издательское общество «Безбожник», 1930. – 13 с.
18. Государственный архив Минской области (ГА МО). – Ф. 4758п. – Оп. 1. – Д. 31.
19. ГА МО. – Ф. 12п. – Оп. 1. – Д. 266.
20. Зональный архив Полоцка. – Ф. 6. – Оп. 1. – Д. 232.
21. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941 : Док. и фотоматериалы / Ин-т Рос. истории РАН. – М. : Библ.-богослов. Ин-т св. Апостола Андрея, 1996. – 328 с.
22. НА РБ. – Ф. 93. – Оп. 1. – Д. 450.
23. ГА МО. – Ф. 1401. – Оп. 1. – Д. 8.